

Дочки-матери

Читайте в серии
«Дочки-матери.
Проза Татьяны Булатовой»:

Мама мыла раму

счастливо оставаться!

*Дай на прощанье
обещанье*

Ох уж эта Люся

Бери и помни

Да. Нет. Не знаю

Татьяна
БУЛАТОВА

*Бери
и помни*

ЭКМО
Москва
2014

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Б 90

В оформлении обложки использована иллюстрация
художника *А. Дурасова*

Издание осуществлено при содействии
литературного агента *Н.Я. Заблоцкиса*

Булатова, Татьяна.

Б 90 **Бери и помни / Татьяна Булатова.** — Москва :
Эксмо, 2014. — 320 с. — (Дочки-матери. Про-
за Татьяны Булатовой).

ISBN 978-5-699-75445-8

Дуся Ваховская была рождена для того, чтобы стать
самой верной на свете женой и самой заботливой матерью.

Но — увы! — в стране, где на девять девчонок, по ста-
тистике, восемь ребят, каждая девятая женщина остается
одинокой. Дуся как раз была из тех, кому не повезло.

Но был у Дуси дар, который дается далеко не всем, —
умение отдавать.

Семейство Селеверовых, к которым Дуся прикипела
своей детской, наивной душой, все время указывало ей на
ее место: «Каждый сверчок знай свой шесток».

Они думали, что живут со сверчком, а на самом деле
рядом с ними жил человек, с которым никто не сравнится.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Федорова Т. Н., 2014
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

ISBN 978-5-699-75445-8

Все совпадения в романе случайны. События и персонажи являются вымыслом автора

Римка Некрасова жила в *бараке*. А Дуся — в однокомнатной *квартире* нового трехэтажного дома, построенного для итээров завода без имени, зато за номером, который уже стерся из памяти, равно как и сам завод, закрытый из-за отсутствия производственной необходимости в девяностые годы.

Когда-то это был совершенно особый дом, уважительно называемый заводскими аборигенами «итээровской сталинкой». Отсюда, с улицы Ленинградской, взяла начало обреченная на медленное вымирание будущая интеллигенция Нижней Террасы — самого захудалого краснопролетарского района провинциального города Ульска.

В «доме образцового порядка», как сообщала прикрученная к дверям первого подъезда табличка, жили итээры завода и их семьи. Дуся к итээрам никакого отношения не имела. Можно сказать, квартиру в знаменитой «сталинке» она занимала по недоразумению.

Просто накануне очередной годовщины Победы в Ульск приехал Брежнев и выступил перед рабочими знаменитого на всю страну

оборонного предприятия. Дуся, как передовик вредного производства, была делегирована на встречу с главой государства и стояла в цеху, зажатая со всех сторон лучшими из лучших представителей рабочего племени.

— Кто это? — поинтересовался Брежнев, обратив внимание на гренадерский рост женщины.

— Шас узнаем! — пообещало руководство завода и, опережая события, под руки вывело на сцену ни о чем не подозревавшую Дусю.

— Хороша! — отметил генеральный секретарь и от переизбытка чувств неожиданно обнял работницу.

Администрация завода сочла это знаком и решила разбавить отряд итээров представителем иного сословия. Так Дусе выделили квартиру. И по заводу поползли слухи... В чем только ее не подозревали! Даже в порочащих связях с начальником отдела кадров. Между прочим, совершенно напрасно: Дуся была девицей.

Биография Римки Некрасовой была незатейлива и банальна: третий ребенок, единственная девочка в семье заводских пролетариев четвертого поколения с момента отмены крепостного права.

У Дуси не было ни сестер, ни братьев. Происходила она из ульских мещан.

Римкин батя гордился своей фамилией и, бывало, в кругу товарищей заявлял:

— Из Некрасовых мы...

— Из каких это из Некрасовых? — интересовались собутыльники.

— Из тех... — многозначительно отвечал пролетарий и цитировал:

Гляжу...

забирается медленно в гору

Лошадка... а с нею — пацан и возок...

Отец Дуси, скромный бухгалтер райфо, на вопрос анкеты «Каким иностранным языком владеете?» отвечал «Не владею», а еще чаще ставил жирный прочерк напротив пунктов, характеризующих гражданскую состоятельность анкетируемого: «не владею», «не имею», «не претендую», «не был», «не являлся», «нет», «нет», «нет».

Погиб Степан Игнатьевич Некрасов под колесами поезда, неожиданно налетевшего на него в самое неурочное время: по пути из бани домой. Завидев надвигающийся паровоз, пролетарий Некрасов обиделся и решил встретить врага лицом, чтоб неповадно было. В результате машиниста осудили (срок точно неизвестен), а обезображенное тело работника Некрасова доставили в морг. Похороны сыграли по-семейному, то есть всем баракком. Последний блин с медом достался участковому, а четверо детей — вдове покойника, плохо

соображавшей по причине хронического опьянения.

Дусин папа ушел из жизни незаметно. Тихо. Не отходя от рабочего места, повалившись на бок с таблеткой нитроглицерина под языком. Сердобольные сотрудницы вызвали «Скорую» и позвонили дочери сослуживца, предварительно кинув жребий. Сообщить скорбную весть выпало самой молодой сотруднице финансового отдела Зиночке. От перенапряжения она заплакала, пошла красными пятнами и прорыдала в трубку:

— Зна-а-аете-е-е... Это я-а-а-а.

На ответное недоумение уточнила:

— Зи-и-иночка.

— Кого надо? — проорала трубка сварливым старушечьим голосом.

— А Ваховские здесь живу-у-ут? — рыдая, поинтересовалась сотрудница.

— Дуньки нету дома, — отрезала трубка. — А сам-от на работе...

Последняя фраза «А сам-от на работе» в сознании Зиночки остановила вращение земного шара, и мир полетел в тартарары окончательно и бесповоротно.

— Дай-ка мне, — раздраженно скомандовала самая старшая сотрудница финансового отдела Клавдия Михайловна и взяла инициативу в свои руки:

— С прискорбием сообщаю...

На том конце провода появился искренний интерес к собеседнику:

— Ба-а-а-а! Чо ли, помер сам-от?

— Помер... — сменила интонацию Клавдия Михайловна, отказавшись от протокола. — Сердце...

— Ба-а-а-а! — снова изумилась трубка и пообещала передать информацию дочери: — Чай скажу, чо мы, не люди, чо ли...

Схоронили-помянули-забыли.

И только Дуся на каждую родительскую лезла на Майскую гору, прибирала и без того ухоженную могилку и буднично сообщала:

— Вот и я, пап. Замуж не вышла.

Через год число посещений кладбищенского приюта сократилось до разумного, но приветствие осталось почти таким же:

— Какой уж там замуж! Нет, папа.

Еще через год молча крошила пасхальное яичко и втыкала восковую ромашку рядом с голубой пирамидкой.

Когда Дусе исполнилось сорок три, позвали замуж. Имя и фамилия жениха стерлись из памяти быстрее, чем высохла земля после летнего ливня. Товарки по цеху кандидата в мужья подняли на смех из-за маленького роста: «В одном гробу можно хоронить. Как раз у тебя в ногах поместится!»

Дома Дуся с огромной печалью рассматривала в большом зеркале свои ноги. Не ноги, а высоковольтные столбы. Размер обуви — сорок два. Ни одни приличные туфли не достать. Что ж, на свадьбу в ботинках топать? И потом,

смушала профессия жениха: дамский портной. «Это что же значит, — размышляла про себя Дуся. — Каждый день голых женщин обмеряет?» — «Да почему это голых-то?» — робко, шепотом подсказывал здравый смысл. «А каких же?!» — с уверенностью отмахивалась от него Дуся и ложилась в свою одинокую никелированную кровать с панцирной сеткой. Кровать привычно принимала большое хозяйское тело, приветствуя его жалобным скрипом.

У Римки, к слову, кровати отродясь не было. Спали вповалку на сбитом покойным Некрасовым настиле, друг на друге: взрослые — с краю, мелкотня — в серединке. Римка ненавидела этот коллективный сон, ненавидела сестер и братьев вместе с вечно поддатой матерью и приходившими к ней гостями. «А чо я?» — мычала глава осиротевшего семейства и натягивала на опухшую рожу засаленное одеяло. «Прав ее лишить!» — бунтовала трезвая половина барака и строчила жалобы участковому. До них ли было блюстителю порядка? На то он и барак, чтоб за чужими детьми присматривать. «В этом — сила коллектива!» — цитировал участковый неизвестно где подсмотренный или услышанный лозунг и щегольским жестом натягивал фуражку прямо на нос.

Дуся жениху отказала: какой от него прок? Квартира своя, жизнь налажена. Только людей смешить. А родить? А чего родить-то? Поздно

уже. Сорок четвертый пошел. Ребенка в школе задразнят: «Бабушка за тобой пришла!»

То ли дело Римка! Худая, мосластая, волосы гидроперитом выбелены, губы на пол-лица... По коридору в бараке идет вихляясь. Халат распахивается, а под ним — ноги. Не ноги — мечта! Мускулистые, гладкие, кожа, словно лакированная, блестит в полумраке. Только и слышно: «Здрате, тетя Маш... Здрате, дядя Ген... Здрате... Здрате... Всем здрасте, уроды барачные! Это иду я, Римка Некрасова. Иду и ненавижу вас всех...»

Несколько раз Римку били. Свои же, тетки. Те самые, которые письма участковому писали, подкармливали, от материнских мужиков прятали, чтоб греха не случилось. Били и приговаривали: «Не зарься на чужих мужей, сучка!»

«Спите спокойно, тетя Маш, тетя Валь, тетя Люб, кому ваша пьянь нужна?!» — отбивалась Римка и с надеждой смотрела в конец длинного коридора. Где-то там, в дымной темноте, брезжила заря освобождения от оков барачной жизни. «А вдруг?...» — мечтала Римка и внимательно оглядывалась по сторонам.

Стороны разнообразием не изобиловали: дворовая шпана, районная шпана, шпана городского масштаба. «Не хочу!» — обиделась на скромное предложение судьбы Римка Некрасова и поступила в ПТУ номер пять на специальность «швея-мотористка».

Полгода вхождения в специальность завершились свадебным торжеством: Римка стала Селеверовой и переехала из одного конца барачного коридора в другой. Барак вздохнул с облегчением: опасность оказалась нейтрализована — у Римки наступила беременность, разрешившаяся двойней.

Забеременела мечтой и Дуся. О маленьком домике на шести сотках и чтобы «виктории» досыта, и цветы вдоль забора, и яблони по периметру. «Зачем тебе? — недоумевали многодетные тетки. — Ни детей, ни плетей. Квартира отдельная. Живи — радуйся. По курортам разъезжай. Романы крути!» — «Скажете тоже, романы!» — смущалась Дуся и потихоньку старилась на своем вредном производстве, продолжая мечтать о летнем счастье.

* * *

Встретились они в заводской женской консультации, где ожидали приема у участкового гинеколога. В живой очереди преимуществ не было ни у кого, кроме беременных и женщин с кровотечениями. Ни к первому, ни ко второму разряду сидевшие в коридоре, видимо, отношения не имели. Во всяком случае, про свою неожиданно наступившую беременность Римка еще не знала, ибо твердо верила в невозможность зачатия на фоне кормления грудью.

Дуся застыла на стуле как изваяние, напоминая, ни много ни мало, знаменитую египетскую Хатшепсут, причем как анфас, так и в профиль. Не хватало только каменного парика и скользящего по нему уреуса. Впрочем, их с легкостью замещало наклеенное на ватман изображение беременной женщины, под носом у которой были нарисованы продукты первой необходимости: творог, сыр, говядья печень, фрукты и зачем-то градусник, показывающий идеальные тридцать шесть и шесть.

Римка сидела рядом, маленькая, сухонькая, как левретка. Разве что не тявкала. Она периодически вскакивала с места, подбегала к двери, заглядывала в замочную скважину и, хлопнув себя руками по бедрам, неслась в конец коридора к выходу, где около хлопающих дверей стояла огромная, как монумент, красная коляска под двойню. Подбежав к детскому транспортному средству, Римка заглядывала внутрь, облегченно выпрямлялась и сообщала хриплым голосом санитарке, сидевшей около гардероба: «Спя-а-ат!»

— Ну и слава богу, — с пониманием шамкала та беззубым ртом и позвякивала алюминиевыми номерками, нанизанными на серую бечевку.

Успокоившись, Римка возвращалась на место и бухалась на него своим костлявым задом. Через пять минут она вскакивала снова и на-

чинала двигаться по уже хорошо освоенному маршруту.

— Го-о-о-споди! — застонала томившаяся в очереди старуха. — Сядь уже. В глазах рябит. Туды-сюды! Туды-сюды!

— А ты не смотри! — предложила Римка и вновь воткнулась глазом в замочную скважину.

— Так как же не смотри! Смотрится! Никакого покою нету.

— Покой тебя, бабка, на том свете ждет! — пообещала Римка и унеслась к коляске.

— Никакого уважения, — объявила на весь коридор старуха и на всякий случай встала у самой двери в кабинет, дабы эта «прошмандовка без очереди не шмыгнула».

— Правильно! — вразной поддержала очередь разобиженную бабку.

В этот момент Дуся вышла из оцепенения и посмотрела со своих хатшепсутовских высот на землю, затянутую затертым линолеумом больничного коридора.

— Вахо-о-о-вская! — выкрикнула медсестра и вновь исчезла за дверь.

— Меня, что ли? — глупо полюбопытствовала Дуся, приветливо улыбнувшись грозному часовому.

— Ну-у-у... — протянула старуха. — Коли ты эта... Ахонская... значит, тебя. Иди, чо ли, а то эта бесстыжа проскочит.

«Бесстыжа», углядев колебания в очереди, метнулась от коляски обратно.

— Меня? — подбежала Римка.

— Как же! Обязательно! Тебя! Вон энту... — Старуха ткнула в Дусю пальцем. — Ахонскую.

Римка с тоской посмотрела в полуприкрытые глаза Хатшепсут и опустилась рядом на стул.

— Так чего же вы? — обратилась к ней Дуся. — Идите. Я — за вами...

Римка вытаращила от неожиданности глаза и подпрыгнула:

— Пра-а-вда?

Хатшепсут подмигнула правым глазом и указала на дверь. Очередь заворчала.

— Она за мной, — пророкотала Дуся и подтолкнула молодую мамашу к двери. — Идите-идите.

Римка сбросила обувь и ворвалась в кабинет.

— О-о-ох, на-а-аглая какая! За мно-о-о-ой она! — подвела итог старуха и вынесла приговор: — И ты тожа бесстыжа!

Так Дусю раньше никогда не называли. Повода не было. «Дылдой» да, звали. «Кобылой», «Лошадью Пржевальского» — тоже. «Коровой» иногда. Дуся не обижалась, ибо свято верила: «Кто обзывается, тот так и называется». Со школы она говорила обидчикам так, как советовал ей папа: «Вот сам (сама) ты это слово!» — и гордо поворачивалась к нему (ней) спиной.